

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

ПРО ДВУХЪ ЦАРЕЙ, РОССИЙСКАГО И НѢМЕЦКАГО,

И О ТОМЪ,

КАКЪ ЦАРЬ РУССКОЙ, ПЕРЕЩЕГОЛЯВЪ ЦАРЯ НѢМЕЦКАГО,

ПОСТУПИЛЪ СЪ НИМЪ ВЕЛИКОДУШНО.

Соч. О. С. Чернышева.

1835.

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

про двухъ царей, Россійскаго и Нѣмецкаго, и о томъ какъ царь Русской, перещеголявъ царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно.

„Солдатская сказка“, весьма талантливая бездѣлка, извѣстна въ русскомъ обществѣ по множеству списковъ, ходившихъ по рукамъ. Она принадлежитъ перу Федора Сергѣевича Чернышева.

Воспитанникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, Чернышевъ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія поступилъ офицеромъ въ л. г. преображенскій полкъ. Въ 1835 г. были извѣстные Калишскіе маневры: Пруссія брталась съ Россіей. Въ безпрестанныхъ встрѣчахъ офицеровъ и солдатъ нѣмецкихъ и нашихъ войскъ, конечно являлись сравненія, шутки, насмѣшки, соревнованіе другъ противъ друга.... Плодомъ этихъ встрѣчъ и столкновеній явилась у молодого офицера Чернышева „Сказка“, нынѣ впервые появляющаяся въ печати. Принята она была всѣми съ большимъ интересомъ, разошлась въ безчисленныхъ копіяхъ. Рассказываютъ, что императоръ Николай Павловичъ — находилъ ее весьма забавною и что будто по его повелѣнію — она была налитографирована; авторъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта....

Военная карьера Ф. С. Чернышева была удачна. Прослуживъ долго въ гвардіи, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ чинѣ генерал-лейтенанта, состоялъ предсѣдателемъ коммисіи для разбора рядчиковъ и рабочихъ. Эта коммисія была первымъ опытомъ въ Россіи гласнаго и устнаго судопроизводства. Умеръ Ф. С. Чернышевъ года два или три тому назадъ.

Что касается до его литературной дѣятельности, то лучшимъ произведеніемъ осталась „Солдатская сказка“. Были стишки, эпиграммы, экспромты — нѣкоторые удачны, остроумны, почти всегда нецензурны, относительно „глубиннаго ихъ свойства“, — но вообще талантъ автора разбился, какъ говорится, на мелкую монету....*).

*) Объ авторѣ «Солдатской сказки» Чернышевъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» — Ф. М. Толстой, двоюродный его братъ. Изъ замѣтокъ г. Толстаго видно, что «Сказка» уже въ 1835 г. была весьма извѣстна въ кругу товарищей Чернышева. («Русская Старина», изд. 1871 г., т. III, стр. 444).

Печатаемъ „Сказку“ съ двухъ списковъ: одинъ сообщенъ Е. Я. Кореневымъ, другой—исправнѣйшій—налитографированъ въ 1838 г., на александрійской бумагѣ, въ большую четвертку, на 26 стр. Списокъ этотъ принадлежитъ библіотекѣ Н. П. Дурова, которому мы и обязаны его сообщеніемъ; П. Я. Ефремовъ сообщилъ намъ такой же экземпляръ.

Бойкость стиха, веселость, необыкновенная смѣлость самыхъ преувеличенныхъ и всегда вполне народныхъ сравненій—вотъ достоинства этой сказки и права ея на то, чтобы выдти изъ забвенія.

Ред.

Становитесь въ круговую
 Слушать сказку удалую!
 Расскажу вамъ, не солгу,
 Только чуръ ужъ ни гугу! —
 Будетъ былъ, не былица.....
 Въ ротъ, въ комнатѣ одной,
 Въ полночь самую, порой
 Треснетъ полъ, какъ ледъ зимой,
 И заляшетъ половица;
 Изъ-подъ ней въ сѣдыхъ усахъ,
 Лѣзетъ котъ на трехъ ногахъ;
 И мурлыча и мяуча,
 Онъ колечкомъ хвостикъ вьетъ,
 Сладко пѣсенки поетъ,
 У него вѣдь сказокъ куча:
 Распотѣшитъ котъ кого,
 Котъ мнѣ кумъ, я весь въ него,
 Что прислушалъ по-солдатски
 Подѣлюся тѣмъ по-братски;
 А кто сказку перебьетъ,
 Или взыщется за слогомъ,
 Котъ хвостомъ того убьетъ,
 Чортъ повѣситъ надъ порогомъ.

Жили были два царя:
 Царь російскій, царь нѣмецкій.
 Русскій царь—царь молодецкій;
 Какъ румяная заря,
 Свѣжь лицомъ—и станомъ строенъ,
 Какъ коше богатыря;
 Смѣлымъ взглядомъ—Божій воинъ,
 Подъ ногой дрожить земля,
 Между плечъ—сажень косая,
 Очи полны, бровь густая,
 И что стѣны у Кремля
 Грудь широкая, крутая;
 Ну, ни въ сказкахъ не сказать.
 Ни перомъ не написать.—

Царь нѣмецкій — царь пшеничный,
 И не боекъ красотой;
 Рыжій, низенькой, худой,
 Взглядъ куринный, пось брусничный,
 А душа вся въ пятачекъ;
 Руки фертомъ подь бочекъ,
 Грудь — что наша рукавица,
 Умъ — съ куриное яйцо,
 Въ жилкахъ — мутная водица,
 И какъ черствый хлѣбъ — лицо;
 Словомъ, чорту на потѣху!
 Но, политику храня,
 На нѣмецкаго царя
 Русскій царь сѣотрѣлъ безъ смѣху;
 И, какъ слышно даже, встарь,
 Какъ-то, гдѣ-то, на походѣ,
 Какъ и съ нами на разводѣ,
 Поздоровался съ нимъ царь.
 Видя первенство большое
 Русскихъ славнаго царя
 Молодца-богатыря,
 Затаилъ мечтанье злое,
 Въ бусурманской злой крови
 Царь нѣмецкія земли:
 Диво выдумать такое,
 Славу русскихъ помрачить,
 И во что бы то ни стало,
 Чѣмъ бы, какъ бы ни попало
 Злое горе приключить,
 Срамнымъ срамомъ осрамить.

Пролетаютъ дни за днями,
 И нѣмецкій весь народъ
 Думу думаетъ — и вотъ
 Русскимъ счетомъ черезъ годъ,
 Къ нѣмцу съ добрыми вѣстами
 Лѣзутъ прямо во дворецъ,
 И кричатъ, глядя спѣсиво:
 «Царству русскому конецъ!.....
 Осраимъ его на диво!
 Отыскался молодецъ,
 Хочетъ замокъ онъ построить,
 Замокъ мило заселить,
 Крышей облака раздвоить». —
 — «Ну, спасибо! Такъ и быть!
 Денегъ я не пожалѣю,
 Все отдамъ, что ни имѣю;
 Только-бъ русскому царю,
 Молодцу-богатырю,

Моему врагу, злодѣю,
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить».

Принялся за работы;
Роютъ, мажутъ и стучатъ;
Годъ проходить, — и ворота
Замка дивнаго стоятъ;
Годъ,—другой летитъ, какъ птица,
Стала крыша ужъ видна;
Въ третій годъ на кончикъ шпнца
Насадилъ каплуна.....
Раздоволенъ царь нѣмецкй;
Свищетъ, пляшетъ и поетъ:
То присядеть, то вскочнетъ,
То какъ-будто конь турецкй,
Гордо голову дереть,
И, опѣсивясь не на шутку,
Наряжаетъ онъ посла,
И велитъ того-жъ числа,
Въ тотъ-же часъ и въ ту-жъ минутку,
Ѣхать къ русскому царю,
Молодцу - богатырю,
И отдать ему предъ трономъ
Харатейную съ поклономъ.

Пишетъ въ ней нѣмецкй царь:
«Русскй, славный государь!
У меня въ земль — все худо;
Но одно есть — замокъ чудо!
Въ день кругомъ не обойдешь,
Въ мѣсяцъ оконъ не сочтешь,
И не можетъ совожь-птица,
Долетѣть до верху шпнца;
Крышу только увидеть,
Надо шапку прежде снять,
А спину согнуть дугою;
Дивной рѣдкостью такою
Подивить могу я васъ,
Осчастливьте много насъ,
Приѣзжайте, хоть на часъ!»

И досадно шибко стало
Сердцу русскаго царя,
Молодца - богатыря,
Ухо слыхомъ не слыхало,
Око видомъ не видало,
Столь огромнаго дворца.
Для царя же молодца

Лучше лечь востыни въ могилу,
 Чѣмъ поддаться вѣмчурѣ;
 И Россіи зная силу,
 Назначаетъ при дворѣ
 Всѣмъ чиновнымъ собираться.
 Всѣ собрались. — «Радъ стараться»
 Въ каждомъ видно на очахъ.
 Не успѣлъ царь молвить слова;
 Не успѣлъ сказать: «здорово!»
 Ужъ кричатъ во всѣхъ концахъ:
 «Для тебя на все готова
 Русская твоя земля.
 Умирать-ли? Всякій ляжетъ,
 Денегъ, что-ли? Пусть прикажетъ
 Милость царская твоя,
 И снесемъ всѣ до рубля!»

— «Знаю я усердье ваше»,
 Говоритъ имъ царь въ отвѣтъ:
 «Ваша жизнь мнѣ солнца краше,
 А въ рубляхъ мнѣ нужды нѣтъ;
 У меня ли въ русскомъ царствѣ
 Деньгамъ почестъ отдають?
 Въ нашемъ славномъ государствѣ
 Куры денегъ не клюють;
 Не рубли, не жизнь, иное
 Вамъ усердье предстоитъ.....
 Царь нѣмецкій насъ срамить.
 Мнѣ прислалъ письмо лихое,
 Въ коемъ пишетъ, говорить:
 Что въ нѣметчинѣ далекой
 Замокъ выстроенъ высокой:
 Въ день кругомъ не обойдешь,
 Въ мѣсяцъ оконъ не сочтешь,
 И не можетъ соколъ-птица
 Долетѣть до верху шпнца;
 Крышу только увидать
 Надо шапку прежде снѣять,
 А спину согнуть дугою.
 Дивной рѣдкостью такою
 Хочетъ насъ онъ подвинить;
 Просить крайне посѣтить.
 Поѣзжай я въ край нѣмецкій
 Очи русскія срамить!»

— «Государь нашъ молодецкій!
 Службу выкли мы служить;
 Это-жъ службишка пустая;
 Сутокъ пять, такъ и у насъ,

По-суворовски шагая,
 Убѣжить дворець изъ глазъ.
 Изрони царево слово,
 Прикажи отдать приказъ,
 И въ недѣлю все готово;
 Воля царска — Божій гласъ!
 Въ мигъ состроимъ. — Ты-жъ, пожалуй
 Поѣзжай, да посмотри;
 Нѣмцу важно носъ утри,
 Царь насмѣшкою удалой».

И поѣхалъ царь на зовъ
 И безъ часу въ сто часовъ
 Доѣзжаетъ до границы;
 Видитъ пламенные шпиды
 Свѣтять въ небѣ далеко.
 Царь подѣхалъ; — высоко
 Замокъ выстроены чудесный;
 Но досады края видъ,
 Нѣмцу съ смѣхомъ говорить:
 «Звалъ меня ты, другъ любезный,
 Чудо-замокъ посмотри;
 Да у насъ въ Россіи клѣтъ
 Курамъ строить вдвое выше;
 Хвастай нѣмецъ, да потише;
 Знай и совѣсть, знай и честь!
 Самъ подумай, чѣмъ дивиться?
 У меня солдатикъ есть,
 Здѣсь ему ни стать, ни сѣсть.
 А куда ужъ развалиться,
 Шалашишка замокъ твой!
 Что смотришь, пора домой;
 Мой дворець, такъ впрямъ отличенъ,
 Точно близокъ къ чудесамъ,
 Но я хвастать не привыченъ,
 Приѣзжай, увидишь самъ!»

Безъ восьми дней двѣ недѣли
 Былъ въ отлучкѣ бѣлый царь;
 Кони ухорьски летѣли,
 И въ саняхъ, какъ въ колыбели,
 Сидя думалъ государь:
 «Правду молвить, неучтиво
 Нѣмца поднять я на смѣхъ;
 Звалъ къ себѣ смотришь на диво;
 Ну, а если, да на грѣхъ
 Неудастся наше чудо?
 Что тогда? вѣдь больно худо!»
 Но вотъ ѣдетъ онъ скорѣй,

Сердце бьется веселѣй;
И къ Россіи заповѣдной
Подъѣзжаетъ нашъ отецъ;
Видятъ чудо: всталъ дворецъ;
Землю жметъ фундаментъ мѣдной,
Небо жжетъ златой вѣнецъ,
Шире моря - океана,
Крыша, словно безъ конца;
Стѣны будто изъ тумана —
Всѣ сибирскаго свинца;
По угламъ рѣзныя башни,
Окна въ нихъ сердолики;
А на шпикахъ наши шапки,
Сестрорѣцкіе штыки,
Въ башняхъ странствуютъ солдаты,
При бедрахъ у нихъ булаты,
А въ рукахъ ковши, лопаты;
Въ зимній холодъ, для потѣхъ,
Загребаютъ въ небѣ снѣгъ;
Снѣгъ бросаютъ на долины,
И російскаго царя,
Молодца-богатыря,
Грудь и очи соколины
Превозносятъ въ небесахъ;
Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ,
Имъ солдатухи лихіе
Въ дни играютъ гулевые;
А съ молодухой Луной,
Какъ съ подругой дорогой,
Разговоръ ведутъ и дружбу,
День и ночь несутъ ей службу:
Можутъ свѣжею водой,
Берегутъ лица румянецъ,
Трутъ кирпичикомъ, золой,
И зубкомъ наводитъ глинецъ;
Словно маленькой сестрой,
Новой гѣшатся луной.
Старой — плохо: тесаками
Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
Какъ потѣшными огнями,
Разукрасить неба сводъ,
Словно Питѣръ въ новый годъ.
Пестры курочки рядами,
И по-взводно пѣтушки,
Золотые гребешки,
Разноцѣтными хохлами,
Разноперыми хвостами,
Пыль на башенкахъ метутъ,
Клювомъ облака дерутъ,

Свѣжій дождпѣ въ тучахъ пьютъ;
 Куры пѣсенки поютъ
 Съ неба звѣздочки клюютъ.

Все хитро, умно, богато.
 Слѣшно царь за зодчимъ шлетъ,
 Благодарность отдаетъ,
 И мѣшками сыплеть золото;
 Самъ велитъ секретарю
 Къ некрещеному царю
 Отписать письмо скорѣе,
 Чтобъ онъ ѣхалъ, да живѣе,
 Что его царь бѣлый ждетъ
 Во дворецъ къ себѣ на мѣдъ.

Получивши приглашенье,
 Царь нѣмецкій поспѣшилъ;
 Собрать все свое имѣнье —
 Все въ фурманку уложилъ;
 Взялъ все войско — сотню счетомъ,
 Всѣ — на пѣгихъ лошадяхъ,
 Всѣ на сѣдлахъ и съ наметомъ,
 Всѣ въ желѣзныхъ шишакахъ.
 Самъ гофмаршалъ фонъ-дербъ-Херовъ,
 Съ цѣлой парюю пажей,
 Впереди шелъ офицеровъ,
 Чтобъ кричать: «держи правѣй!»
 И безъ дня недѣля съ годомъ,
 Путь-дорога имъ была;
 Сказку свазываютъ ходомъ,
 Свокомъ дѣлаютъ дѣла.
 Скоро-ль, долго-ль, но походомъ
 Царь нѣмецкiя земли,
 Весь измученный, въ пыли,
 Усталой, худой и блѣдной
 Подъѣзжаетъ наконецъ;
 Видитъ ужась — не дворецъ!

Землю жметъ фундаментъ мѣдный,
 Небо жжетъ золотой вѣнецъ;
 Шире моря-океана,
 Крыша, словно безъ конца;
 Стѣны будто изъ тумана
 Всѣ сибирскаго свинца;
 По угламъ рѣзные башни,
 Окна въ нихъ — сердолики,
 А на шпидахъ наши шашки,
 Сестрорѣцкiе штыки.
 Въ башняхъ странствуютъ солдаты,

При бедрахъ у нихъ булаты,
 А въ рукахъ ковши, лопаты.
 Въ зимній холодъ для потѣхъ
 Загребають въ небѣ свѣгъ;
 Свѣгъ бросаютъ на долины,
 И російскаго царя,
 Молодца-богатыря,
 Грудь и очи соколины,
 Превозносятъ въ небесахъ.
 Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ,
 Имъ солдатушки лихіе,
 Въ дни играютъ гулевые;
 А съ млодушкой Луной,
 Какъ съ подругой дорогой,
 Разговоръ ведутъ и дружбу,
 День и ночь несутъ ей службу:
 Моютъ свѣжею водой,
 Берегутъ лица румянецъ,
 Трутъ кирпичикомъ, золой,
 И зубкомъ наводятъ глянecъ;
 Словно маленькой сестрой,
 Новой тѣшатся Луной.
 Старой — плохо: тесаками
 Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
 Какъ потѣшными огнями,
 Разукрасить неба сводъ,
 Словно Штеръ въ новыи годъ.
 Пестры курочки рядами,
 И по-взводно пѣтушки,
 Золотые гребешки,
 Разноцвѣтными хохлами,
 Разноперыми хвостами
 Пыль на башенкахъ метутъ;
 Клювомъ облачки дерутъ,
 Свѣжій дождикъ въ тучахъ пьютъ;
 Куры пѣсенки поютъ,
 Съ неба звѣздочки клюютъ.

И лихо — хитрецко дѣло,
 Стало нѣмцу взоръ мутить;
 Лихорадкою бьетъ тѣло,
 И не смѣетъ говорить;
 Какъ и быть, бѣдникъ не знаетъ:
 — «Что?» (царь русской воскликаетъ),
 «Аль не дивно? Такъ внутри,
 Походи, да посмотри!»

Въ нѣмцѣ жизни не замѣтно.
 Стыдъ коверкаетъ лицо.

Царь ведетъ его привѣтно
 На широкое крыльцо
 Черезъ гранитныя ступени,
 Въ малохитовыя стѣны
 Двери вскрылися собой;
 Такъ и блещутъ бирюзой!
 За дверями часовой,
 Въ ярко-вышитомъ мундирѣ;
 Всѣ кресты, какіе въ мірѣ,
 Можно вздумать и сочестъ,
 На груди его — всѣ есть;
 На рукахъ пятьсотъ шавроновъ,
 Цѣлыхъ двѣсти золотыхъ;
 Остальные изъ басоновъ,
 Не простыхъ, а вышивныхъ;
 Въ каждомъ — два десятка клѣтокъ,
 Въ каждой клѣткѣ — сто замѣтокъ,
 Счетъ забранныхъ городовъ;
 Въ часъ не вымѣрять усовъ;
 А рукою богатырской
 (И подумать.... задрожншь)
 Лондонъ городъ и Парижъ
 Зашвырнетъ за край Сибирской.....
 Изъ стѣны покоевъ рядъ,
 Поражаетъ нѣмца взглядъ,
 Блескомъ радуги чудесной;
 Всѣ блестятъ какъ сводъ небесный. —
 Черезъ нихъ рѣзнымъ поломъ,
 Шитымъ бисернымъ ковромъ,
 Въ залъ проходятъ танцевальный,
 Весь граненый, весь хрустальный;
 Стѣны, полъ и потолокъ,
 Искры, каждой уголокъ. —
 Все горитъ огнемъ хитрецкимъ,
 Смысломъ русскимъ молодецкимъ.
 Какъ поспѣлъ хрустальный залъ,
 Стало солнышко проситься,
 Посмотрѣть и подивиться;
 Зодчій промаха не далъ,
 (Какъ фельдфебель былъ удалъ),
 Солнце ввелъ и — залеръ залъ,
 И горитъ оно въ затворѣ.
 Русски дѣвушки въ уборѣ,
 Въ дыжкахъ, словно въ облачкахъ,
 Всѣ въ торжковскихъ кушачкахъ,
 Всѣ въ газетныхъ башмачкахъ,
 Пляшутъ, вьются до упада,
 Шелку — кудри ихъ досада,
 Зубки — жемчугу не надо,

Щечки—розаны изъ сада,
 Вздохи—вешняя прохлада,
 Станъ и плечи, все подъ рядъ;
 А изъ отблесковъ алмаза,
 Каждой вставлены два глаза;
 Да за то ужъ и горять!...

Видя дивности такія,
 Нѣмецъ-царь: «Ахъ, да ахъ!...»
 Да вдругъ въ ноги чубурахъ,
 И кричитъ: «Ура, Россія!»
 А російскаго царя
 Молодца-богатыря,
 Проситъ бѣдный со слезами,
 Въ живѣ къ дому отпустить;
 И клянется небесами
 Впредь навѣкъ покорнымъ быть,
 Дурь нѣмецкую забыть.
 Любить русскіе смиренье—
 Въ молодецку царску грудь
 Западаетъ сожалѣнье;
 Царь не сердится ничуть,
 Не бранитъ его нисколько.
 Щелкнулъ по носу—и только,
 Говоря: «Умиѣ будь!»

Самъ по-царски поступаетъ,
 Солнце въ отпускъ отпускаетъ,
 Чудныхъ дѣвушекъ лицомъ,
 Да солдата-воеводу
 Оставляетъ образцомъ,
 Православному народу;
 Остальнымъ же всѣмъ добромъ,
 Разукрашеннымъ дворцомъ,
 Какъ московскимъ калачомъ
 Подарилъ онъ бусурмана,
 Приказавъ начать другой.

Не видалъ еще я плана,
 Но прослышалъ стороной,
 (Знаетъ все мой котъ рассказчикъ)
 Будто первый былъ—образчикъ,
 А что въ новомъ на весь міръ,
 Царь задать желаетъ ширь.
 Котъ сказалъ мнѣ подъ секретомъ.
 Что зиму смѣняютъ лѣтомъ;
 Что приказано царемъ—
 Воздухъ выстирать путемъ;
 Небо вывернуть, какъ шанку;

Солнце, радугу и громъ,
 И луну схватить въ охабку,
 Если можно—такъ добромъ,
 А не то—хоть и штыкомъ,
 По воинскому порядку;
 А изъ солнечныхъ лучей
 Сдѣлать яркую ограду
 Въ видѣ копій и мечей,
 За ограду—громъ въ засаду,
 Чтобъ въ обѣдъ отъ самыхъ щей
 Громъ гремѣлъ вплоть до сластей;
 Молнью по двору разбросить
 Въ видѣ розовыхъ песковъ,
 А вдоль дѣстницъ и половъ,
 Въмѣсто бисерныхъ ковровъ,
 Лентой радугу набросить;
 А молодушкой луной,
 Бѣлымъ, пѣжнымъ полу-свѣтомъ,
 Освѣтить одинъ покой.
 Вечеркомъ въ покоѣ этомъ,
 Будутъ трубочки курить.
 Сладкій медъ, валяясь, пить.....
 Ну, на славу угостить.
 Пирь, чтобъ все въ землѣ дрожало,
 Подъ водою-бъ все бѣжало;
 Жаль, людей на свѣтѣ мало,
 И боится царь-отецъ,
 Пусть покажется дворець.....
 А? Каковъ нашъ молодець?
 Нѣмду, гдѣ за нимъ тягаться!
 Ну, да что и говорить,
 Лучше сказку пояснить
 Поскорѣй, не то собираться
 Къ перекличкѣ намъ пора.—

Смирно! слушай пѣхтура!
 Въ службѣ царской отличься.
 По присягѣ вѣкъ служить;
 Непрiателей губить;
 Злому злымъ и откликаться,
 Побѣжденному простить,
 И молить Творца земнаго,
 Не богатства золотого,
 А священнаго добра,
 Вѣкъ царю! намъ — вѣкъ... Ура!!!

